

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ ПРИЗЫВНИКОВ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

.....

О.А. Оберемко¹

Иностранные военные советники, находившиеся в Китае во время Второй мировой войны, мобилизацию в китайскую армию описывали следующим образом: оцеплялся густонаселенный городской квартал и задерживались все мужчины в гражданской одежде, внешне пригодные к армейской службе. Их гнали на ближайший сборный пункт, где стариков и увечных выбраковывали, а людям с достатком иногда предоставлялся шанс «убедить» комиссию в своей непригодности к военной службе. Остальных маршем отправляли на передовую, иногда за тысячи километров, и по дороге контингент нес потери двух видов: дезертирами и умершими. При такой «транспортировке» иногда до фронта доходило не более 15 % мобилизованных. Высшее командование, исходя из неисчерпаемости человеческих ресурсов страны, не видело смысла организовывать предварительный отбор [9, р. 30]. Отсюда очевидно, что идея о привлечении специалистов для психолого-психиатрического отбора призывников в вооруженные силы может возникнуть при понимании того, что людские ресурсы даже в военное время могут иметь ценность не только в качестве пушечного мяса.

Пионерами в массовых психологических обследованиях для отбора призывников выступили США еще в Первую мировую войну, как принято объяснять, под давлением экономических причин: на выделенные конгрессом финансы нужно было в кратчайшие сроки многократно увеличить численность вооруженных сил для участия на европейском театре военных действий. Задача осложнялась тем, что армия не имела в достаточном количестве педагогических

¹ Оберемко Олег Алексеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского госуниверситета, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Эл. почта: ooberemko@yandex.ru

кадров, и упор делался на широкое использование печатных материалов в обучении. В таких условиях учитывать только физическое состояние призывников было недостаточно [9, р. 31].

Подчеркнем: при неограниченных временных и финансовых ресурсах можно и зайца научить курить. Психологов привлекли для отбора тех, кто способен овладеть курсом молодого бойца быстро и самостоятельно – с помощью печатных учебных материалов и с минимумом персонального внимания со стороны сержанта.

За время мобилизационной кампании 1917–1918 гг. протестировали громадное число призывников – около 5 млн чел., из которых 821 тыс. были признаны негодными по состоянию здоровья, по причине эмоциональной неустойчивости, низкого образовательного, интеллектуального или морального уровня [9, р. 142]. Однако итоги тестирования впоследствии признали неудовлетворительными. Министерство обороны пришло к выводу, что число инвалидов, среди которых было несколько тысяч молодых людей, получавших пенсии по нетрудоспособности в результате увечий и заболеваний, полученных на военной службе, было неоправданно велико. Подчеркивалось, что хорошие показатели физического состояния, уровня интеллекта и субъективной готовности к службе в вооруженных силах и добровольная присяга (т.е. соответствующие ценностные ориентации) недостаточны без учета эмоциональной и моральной устойчивости.

На основании этого опыта в период мобилизационной кампании во время Второй мировой войны армейское командование решило, что граждан, у которых в биографии есть факты «плохого поведения в обществе», военная форма едва ли переделает, а нарушающий уставы и нормы солдат не только неэффективен, но и отрицательно влияет на свое непосредственное окружение. В ходе этого призыва по четырем общим критериям – физическое состояние, умственное развитие, эмоциональная устойчивость и законопослушность – было обследовано беспрецедентное количество призывников – около 18 млн, из которых были признаны годными лишь 21 % [9, р. 35].

После Второй мировой войны в США ученых снова привлекли, чтобы смоделировать отбор успешных солдат на основе статистической обработки данных тестирования и личных дел досрочно уволенных из вооруженных сил по немедицинским причинам в период активных боевых действий. Командование полагало, что эти данные можно использовать и для призыва в мирное время: если обучение резервистов вести на случай возможных военных действий, то резерв должен быть во всех отношениях полноценным. Такая логика предполагает использование вооруженных сил исключительно по прямому назначению, т. е. для отражения внешней агрессии, а не для выполнения функции общего воспитания. Также нужна уверенность в наличии достаточного количества молодых людей, способных пройти через сито отбора.

Наиболее известный проект по изучению неэффективного солдата был реализован под руководством Э. Гинзберга [1; 9]. В первые послевоенные годы о низком моральном духе американской армии не говорил только ленивый, и каждый объяснял его по-своему. Священники говорили об ослаблении религиозного воспитания юношей. Психологи искали причины массовой «эмоциональной неустойчивости» в травмирующих переживаниях детства. Моралисты-консерваторы ссылались на общую изнеженность населения, растущую приверженность потреблению, утрату способности к самопожертвованию. Малочисленная оппозиция указывала на обострение межрасовых противоречий [1, с. 74–78]. Перед учеными ставилась цель: выявить параметры неуспешного солдата на основании двумерных распределений, где в качестве независимых переменных использовались пункты анкеты и данные тестов, а в качестве зависимых – досрочная демобилизация, медико-психиатрические диагнозы и отклоняющееся поведение. С методической точки зрения предстояло решать два вида задач: 1) обнаружить статистически значимые различия между успешными и неуспешными солдатами; 2) обнаружить различия и сходства между отдельными категориями неуспешных солдат [9, р. 104]. О масштабе проделанной работы дает представление сводная статистика, имевшаяся в распоряжении авторского коллектива.

Таблица 1

Признанные негодными к военной службе призывники в возрасте от 18 до 37 лет за период с 01.01.1942 по 01.08.1945 [9, р. 36]

Причины негодности	Признанные негодными, чел.	Доля от общего числа обследованных, %	Доля от общего числа признанных негодными, %
Физические дефекты	3 447 000	19,2	66,2
Эмоциональные расстройства	970 000	5,4	18,5
Несоответствие по умственным и образовательным критериям	716 000	4,0	13,6
Нежелательные элементы	87 000	0,5	1,7
Итого	5 250 000 ²	29,2	100,0

Авторы отдавали себе отчет в ограниченности корреляционного анализа как метода. По межгрупповым различиям в принципе нельзя установить *точные причины* неуспешности; можно лишь в социально-демографических и биографических категориях составить самое общее представление о *стандартных условиях* неадаптации к боевым условиям и осторожно наметить коррективы политики призыва [9, р. 104–105]. Как мы убедимся далее, фиксиро-

² Расхождение между «Итого» и суммой цифр в колонке в 20 000 допущено в цитируемом источнике.

вавшиеся в личных делах дисфункции относились к разным уровням иерархической структуры личности, что исключало возможность построения моделей (дез)адаптации.

Также оказалось, что тонкие статистические методы нет смысла применять, ибо качество архивных данных не отвечало стандартным требованиям к научным данным. В частности, политика призыва претерпевала постоянные эволюции. Например, ограниченно годные по здоровью, т. е. со слабым зрением и слухом, плоскостопием, отклонениями в весе, дефектами скелета и др., призыву подлежали только в 1942–1943 гг. В 1944–1945 гг. они подлежали безусловной демобилизации, что, естественно, отразилось в статистических данных. В то же время по другим параметрам требования снижались, о чем свидетельствуют массовые случаи повторного тестирования [9, р. 33–35]. При избыточности призыва командиры могли себе позволить не тратить время и средства на физически годных, но психологически неустойчивых и малограмотных призывников и списывали их при первой же возможности. Когда к 1944 г. образовался дефицит призывников, условия призыва и политика командиров были скорректированы. Таким образом, одни и те же статистические показатели в разные годы могли наполняться разным содержанием.

Таблица 2

Досрочная демобилизация в 1942–1945 гг. (на 1000 военнослужащих) [9, р. 62]

Причина демобилизации	Армия	Флот	Морская пехота	Все рода войск
Психические отклонения	32,9	24,1	35,7	30,8
Неспособность интеллектуальная и физическая	12,1	25,3	25,0	15,9
Нежелание служить и нарушение дисциплины	5,0	10,1	7,1	6,3
Итого	50,0	59,5	67,8	53,0

Политика призыва и ее изменения не были едиными для всех родов войск, что нужно учитывать при сопоставительном анализе данных. На флот до 1943 г. набирали только добровольцев, и отбор был гораздо жестче, чем в армии. Негодных списывали еще охотнее, ибо на судне несоответствие обнаруживалось быстрее, а возможностей подобрать «нестандартному» военнослужащему подходящую позицию меньше. В отличие от армии, на флоте призывники в учебном центре проходили психиатрическую проверку, и в случае сомнений их могли даже госпитализировать для более тщательных наблюдений. При этом доля психиатрических диагнозов на флоте меньше, чем в других родах войск, отчасти потому, что морское командование при списании предпочитало пользоваться простыми процедурами и к психиатрическому освидетельствованию старалось прибегать только при явных симптомах [9, р. 62]. Отсюда и вывод ав-

торов: «Конечно, личностные характеристики призванных на военную службу влияют на успешность их деятельности, но границы между успешностью и неуспешностью часто находится в сфере политики призыва» [9, р. 71].

Данные тестирования во многом обесценивались отсутствием необходимых условий для качественного обследования и необеспеченностью квалифицированными кадрами. Один военный психиатр свидетельствовал, что на осмотр призывника и оформление заключения приходилось не более трех минут, в течение которых можно было задать 2–3 простых вопроса: «На здоровье жалуешься?», «Нервничаешь часто?», «Как думаешь, справишься со службой?» [1, с. 38]. На одном из призывных пунктов «психиатр» в течение нескольких недель (до увольнения), диагностируя эмоциональную устойчивость, сильно бил в живот совершенно голого во время осмотра призывника и «наблюдал реакцию на неожиданный стресс».

После реализации проекта «Неэффективный солдат» Д. Гинзберга, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обозначилось два направления в развитии исследований: 1) массивы количественных данных стали дополняться качественными материалами – самоотчетами военнослужащих; 2) из любых доступных источников стали формировать *life history* – информацию об условиях жизни, социальной среде и чертах личности. Обновленная исследовательская программа предполагала улучшить предсказание адаптивности к военной службе более полным учетом «внутренних и внешних» черт личности, а также взаимодействия между ними. На методологическом уровне произошла переориентация от статистических корреляций к построению объяснительных моделей и их эмпирической проверке, которая тематизировалась в идее о разработке *биографических конструкторов*. Целостный анализ человеческого поведения сквозь призму биографических данных предполагал нахождение связей между социологическими (демографическими, культурными и социально-институциональными) параметрами и индивидуальными способностями, установками и личностными характеристиками, изучаемыми психологией. Ценность представляли не общие характеристики социальной среды и поведения, а успехи и неудачи в конкретной среде обитания [13, р. 81–82]. К. Бэк [5] предлагал рассматривать жизнь индивида – цепь лично значимых событий и принимаемых решений – сквозь призму социально-демографических трендов общества, поскольку такие события, как социальное происхождение, получение образования, выбор профессии, географическая и социальная мобильность и т.п., оказывают громадное влияние на судьбу человека, являясь стандартными поворотными точками в жизни индивида.

Р. Лазарус с коллегами исследовал преодоление психологического стресса в терминах перцептивных, когнитивных, эмоциональных и поведенческих диспозиций индивида по отношению к среде взаимодействия. Стресс и адаптацию предлагалось рассматривать в комплексе, как результат опыта прошлых

трансакций между личностью и средой, чтобы понимать не только, как индивид достигает успеха, но и как терпит неудачи [12].

Особый теоретический интерес представляют те исследования, в которых вскрывалась темпоральная природа индивидуальной биографии [4; 6]. На основе обширного эмпирического материала было обнаружено, что наибольшую предсказательную силу имеют события, непосредственно предшествующие военной службе. Например, оказалось, что биографические данные первых двух лет службы в ВМФ лучше предсказывают успешность последних двух лет, чем данные о жизни до службы [14]. Исследование кадровых офицеров ВМФ США, переживших психологические потрясения, показали, что на успешность реадaptации в большей степени влияют события, которые переживаются непосредственно перед регистрацией болезненных симптомов [8].

Сложнейшие трудности биографического исследования связаны с неясностью вопроса о (не)прерывности биографии. Нет удовлетворительного объяснения, почему одни сохраняют преемственность прошлых образцов поведения и состояния здоровья, а другие вступают в новый период жизни, как *tabula rasa*, не обремененные прошлым опытом.

* * *

Рассмотрим эмпирически обнаруженные корреляции (не)успешности прохождения воинской службы с биографическими переменными.

Образование и обучаемость (интеллектуальные способности). Ни один гражданский человек не готов сразу к выполнению боевых задач. Чтобы он стал полноценным солдатом, его нужно сначала обучить. Поскольку проблема военных педагогических кадров в США и в Первую, и во Вторую мировые войны всегда вставала остро и «неожиданно», упор делался на самостоятельную подготовку с использованием печатных материалов и неграмотные, а также с низкими интеллектуальными способностями на службу не призывались.

Военные психологи исходили из предположения, что способность призывника к обучению в значительной степени зависит от того, чему он уже смог научиться, т. е. от его прошлых достижений. Начиная с 1940-х гг., психологи достигнутый уровень образования уже не связывали напрямую с интеллектом. Таким образом, они отошли от чисто операциональной трактовки интеллектуальных способностей, квинтэссенция которой выражена в изречении времен Первой мировой войны: интеллект есть то, что измеряется тестами. Нужно было измерять наличие устойчивых навыков к обучению, причем обучение понималось как сложный, целостный процесс, ибо новобранцу предстоит не только освоить обращение с оружием, но и *научиться жить* в социальной среде с весьма специфическими для гражданского человека нормами и практиками [9, p. 116].

Таблица 3

Эмпирическая вероятность досрочной демобилизации в зависимости от уровня образования по различным категориям в 1941–45 гг.
(на 1 000 военнослужащих) [9, р. 118]

Образовательный уровень	Психоневроз	Психоз	Серьезные нарушения воинской дисциплины	Отсутствие способностей	Общая частота
Первая ступень	32,8	7,1	6,2	30,0	76,1
Вторая ступень	22,8	4,9	2,6	4,2	34,5
Третья ступень	28,9	5,9	4,2	7,1	46,1
Четвертая ступень	19,9	4,2	1,6	2,3	28,0
Пятая ступень	16,1	4,1	1,4	1,8	23,4

Оказалось, что адаптивность призывников положительно связана с уровнем образования (табл. 3). Образованные военнослужащие в армии США реже обнаруживали психологическую неустойчивость, допускали серьезные нарушения воинской дисциплины и оказывались неспособными освоить учебную программу. Очевидно, что низкий уровень образования положительно связан не только с отсутствием способностей, но и с косвенными показателями, какими следует считать нервные расстройства и серьезные нарушения воинской дисциплины. Примечательно, что образовательный уровень гораздо сильнее влиял на адаптивность, чем регион проживания (Север–Юг), место жительства (город–село) и раса.

Опираясь на приведенные данные, авторы высказали ряд гипотез о влиянии уровня образования на адаптацию военнослужащих. Относительно молодых призывников они предположили отрицательное влияние неуспеха в освоении школьной программы, который мог стимулировать эмоциональную устойчивость. Согласно этой модели вхождение в новую роль актуализирует выработанные ранее неэффективные образцы взаимодействия с обучающей средой, а жесткость армейской среды снижает шансы на совладание со стрессом и выработку более эффективных образцов. Корни дезадаптации новобранцев могут уходить и в застарелые нерешенные конфликты личностного развития. В частности, известно, что трудное детство часто приводит к плохой успеваемости, а у плохо успевающих детей чаще развиваются эмоциональные проблемы. Поэтому авторы не исключали, что «малоопытные или впечатлительные» военные врачи могли и ошибаться, ставя психиатрический диагноз [9, р. 117].

Конечно, адаптивность не сводится к количеству лет, проведенных на школьной скамье. Многие призывники имеют определенные профессиональные навыки, которые находят самое непосредственное применение на службе. Однако трудно рассчитывать, что подавляющее большинство гражданских

лиц приходят с готовыми навыками, необходимыми в бою, а потому большое значение приобретает способность новобранца к научению.

Между интеллектуальными способностями и уровнем образования также есть определенная связь. Необразованного можно выучить в короткий срок, но только при постоянной и жесткой опеке. Уровень образования, таким образом, может репрезентировать определенные интеллектуальные способности, а именно способности к самостоятельному обучению и самостоятельной адаптации к новой ситуации. С. Стауффер, например, обнаружил, что высокий уровень образования коррелирует не просто с адаптированностью, но и с высоким моральным духом воина, большей эмоциональной вовлеченностью в выполнение обязанностей и одновременно повышенным критицизмом к армии [15, p. 105–154].

Р. Артур, на протяжении десяти лет занимавшийся исследованием призывников в ВМФ США, обнаружил, что дезадаптацию с большой вероятностью предсказывают исключение из школы и оставление на второй год [3]. Это исследование модифицировало трактовку переменной «образование». К двум традиционным трактовкам уровня образования (интеллектуальное развитие и способность к научению) прибавилась третья – отсутствие открытого конфликта со школьными властями и широкое понимание опыта самодисциплины и самоконтроля.

Эмоциональная устойчивость. Важнейшим новшеством в 1940-е гг. в практике научно обоснованного отбора призывников стало тестирование на эмоциональную устойчивость. В любом поселении найдутся парии, неспособные удовлетворять даже минимальным требованиям общества: удержаться на работе, выполнять семейные обязанности и т.п. Некоторых ставят на учет в лечебные учреждения. К 1940-м гг. диагностика сильных эмоциональных расстройств уже давно была делом обычным.

Новшество заключалось в том, что психиатрическому обследованию подлежало большое количество лиц, которые демонстрировали хорошую, а иногда и очень хорошую адаптивность к гражданской жизни: колледж, высокооплачиваемая работа, уважаемый глава семьи. Но даже среди тех, кто в гражданской жизни успешен и даже очень успешен (в пределах принятых норм), психологам с помощью тестов удавалось находить негодных к службе из-за эмоциональной неустойчивости, без которой невозможно пережить лишения солдатской жизни. Поэтому военное командование поставило перед разработчиками тестов задачу определять на стадии призыва тех, кто скорее всего не справится, и таким образом избежать бесполезных затрат времени и средств на подготовку к участию в боевых действиях.

Однако специалисты отмечали, что едва ли военное командование по собственной инициативе взялось бы за разработку и внедрение массового тестирования призывников, если бы психологи и психиатры не убедили их, что

несложное психологическое тестирование быстро отделит эмоционально устойчивых «агнцев» от эмоционально неустойчивых «козлищ» [9, р. 38]. На 1 августа 1945 г. число забракованных призывников с диагнозом эмоциональных расстройств достигло 970 тыс. чел., что составило вторую по величине категорию после категории лиц с физическими дефектами [9, р. 36]. По мнению критиков, организаторы и идеологи тестирования взялись за выполнение непосильной для себя задачи. Прежде всего, критерии эмоциональной устойчивости выбирались исходя из психологических и психиатрических теорий, а не из военного опыта. Под сомнение ставилась и базовая посылка о тесной взаимосвязи между симптоматикой эмоциональных расстройств и эффективностью несения службы [9, р. 145–146].

Преждевременной оказалась надежда на возможность предсказывать поведение по данным осмотров и тестирования без достаточных знаний о детерминирующих поведение на войне факторах. В отличие от интеллекта, который является относительно постоянной характеристикой личности, эмоциональная стабильность характеризуется изменчивостью на протяжении жизни индивида. Большинство людей в подростковом и в старшем пожилом возрасте эмоционально нестабильны; некоторые сохраняют самообладание в одних ситуациях и теряют его в других, некоторые демонстрируют неизменное присутствие духа, третьи совершенно теряют голову, как только лишаются привычного социального окружения [9, р. 167]. Трудность заключалась и в том, что эмоциональная устойчивость определяется не только «внутренней» силой или слабостью, но и наличием или отсутствием поддержки, помощи, группового и организационного давления. Солдат может переживать стрессы как во время несения службы, так и в личное время. Он может сохранять способность нести службу, несмотря на нерешенные личностные проблемы, успешно справляться со своими обязанностями и стрессами под непосредственным внешним контролем, но сорваться в отсутствие командира и наоборот, для достижения психического равновесия нуждаться в относительной свободе действий и т.п.

Сама процедура тестирования была недостаточно формализована. Во-первых, тестирующий и ставящий диагноз специалист никогда заранее не знал будущих обязанностей солдата, во-вторых, при интерпретации одних и тех же результатов тестирования и осмотра один специалист мог исходить из представлений о героических боевых подвигах, другой – о повседневных тяготах. Кроме того, на интерпретацию данных могли влиять неявные или недостаточно отрефлексированные допущения эксперта о процессе превращения гражданского лица в военного человека и необходимых личностных качествах призывника.

Если «бравому сержанту» легче работать с «материалом» физически крепким, но податливым на высших уровнях иерархической структуры личности, он предпочтет тех, кто в стрессовой ситуации курса молодого бойца совершит

быстрый личностный регресс, а затем в ходе восстановления и достройки личностной структуры избирательно будет оживлять свой прошлый опыт взаимодействия с учетом новой социальной среды. Такая модель воспитательного процесса требует жесткого и всеобъемлющего внешнего контроля.

Другая модель может предполагать относительную автономность личности солдата в процессе адаптации к новой ситуации, а следовательно, и большую деликатность командира по отношению к личностным особенностям солдат, более других преуспевших в выработке своей личностной структуры и личностного стиля. В первой модели разрешение внутриличностных конфликтов и конфликтов между личностью и социальной средой целиком выносятся вовне, т. е. за адаптацию призывника ответственность несет контролирующий ситуацию командир. Во второй модели конфликт переносится вовнутрь личности и решается за счет личного потенциала солдата. При этом жесткость командира не выходит за чисто функциональные рамки распорядка и боевой задачи, во всем остальном он играет роль чуткого «ночного сторожа».

Если к концу войны специалисты смогли разработать тесты для отбора тех, кто в кратчайшие сроки способен одолеть курс молодого бойца и применять полученные навыки на практике, то найти психолого-психиатрические критерии психологической устойчивости новобранцев им так и не удалось [9, p. 140].

Возраст. Возрастной фактор тесно связан с физическими характеристиками индивида: доля негодных к строевой службе по здоровью растет вместе с возрастом. Молодежь отличается выносливостью и энтузиазмом. Однако обыденное сознание взрослых склонно отказывать молодости в психологической устойчивости и нередко ищет подкрепление своим предрассудкам в научных психологических теориях, придуманных, как правило, тоже взрослыми «дядями» и (реже) «тетями». В 18–19 лет многие юноши еще борются с нерешенными проблемами вторичной социализации и в лучшем случае располагают лишь минимальным опытом действия и самоощущения себя взрослыми. Они еще не знают сильные и слабые стороны своей личности. По этой логике адаптивные преимущества старшего возраста в приобретенных социальных и профессиональных навыках, опыте, умении здраво мыслить и принимать ответственные решения очевидны. Однако эмпирические данные свидетельствуют о большей адаптивности молодых солдат по сравнению со старшевозрастными (табл. 4).

Аналогичные данные были получены и в других исследованиях: среди госпитализированных с психоневрозом преобладали старшевозрастные военнослужащие, сходная картина обнаружилась в нестроевых подразделениях. Данные по ВМФ США за период Второй мировой войны показывают рост психиатрических диагнозов с 9 промилле в когорте до 20 лет до 21 промилле среди когорты 35–39-летних [9, p. 109–111]. Возрастание психолого-психиатрических расстройств прослеживалась во всех родах войск, в боевых и вспомогатель-

ных подразделениях независимо от степени риска, исчисленной по статистике потерь убитыми и ранеными (как эмпирическая вероятность быть убитым и/или получить ранение). В то время аналога подобному явлению в гражданской жизни не знали.

Таблица 4

Возрастное распределение уволенных из армии по неэффективности
в 1942–1945 гг., %

Год рождения	% в призыве 1941–1945 гг.	Психоневроз	Психоз	Неблагонадежные	Необучаемые
До 1907	8	16	18	21	28
1908–1912	12	34	36	39	29
1913–1917	22	25	24	20	21
1918–1922	36	17	15	13	15
1923–1927	22	8	7	7	7
Итого	100	100	100	100	100

Комментируя эти данные, авторы выдвигают предположение о том, что возрастные призывники менее мотивированы к военной службе, во-первых, потому что они глубже росли в гражданскую жизнь, обзавелись разнообразными социальными связями и ответственностью, и, во-вторых, преимущество жизненного опыта оборачивается меньшей гибкостью при адаптации к новым жизненным ситуациям [9, р. 106]. Эти предположения свели к индикатору «желание нести воинскую службу». В самом деле, к тридцати годам возрастает вероятность завершения вторичной социализации, в ходе которой происходит профессиональное самоопределение, вступление в брак, формируются относительно жесткие образования на верхних уровнях системы диспозиционной саморегуляции личности. Смысл жизни в этом возрасте часто концентрируется вокруг семейных и профессиональных обязанностей, и даже вдали от дома привязанность к гражданской жизни сохраняется: ценности брака и семейного благополучия перевешивают важность военной службы. Тридцатилетние отцы семейства не могут погрузиться в войну с энтузиазмом молодых холостяков, чью жизнь, быть может, впервые наполняет смыслом именно служба в армии. Переменная возраста, таким образом, трактуется как способность к интенсивной эмоциональной вовлеченности в деятельность.

Семейное положение. Поскольку с возрастом вероятность вступления в брак растет, логично предположить, что женатые чаще страдают от психических расстройств, чем холостые. Некоторые авторы были готовы приписать этот факт исключительно возрасту, однако С. Стауффер установил, что с женатыми военнослужащими во всех возрастах нервные срывы случались чаще

[9, p. 112–114]. Введение дополнительных переменных существенно уточнило картину (табл. 5).

В частности, наличие находящихся на иждивении лиц вскрывает недостаточность упрощенной трактовки отрицательного влияния состояния в браке на эмоциональную устойчивость, поскольку освободившиеся от этого состояния в результате распада брака продемонстрировали еще меньшую устойчивость.

Авторы не без оснований заключают, что наличие иждивенцев при прочих равных условиях придает дополнительный жизненный смысл, что в свою очередь способствует принятию на себя определенной ответственности и повышает психическую устойчивость и самоконтроль по сравнению с одинокими. Самыми уязвимыми оказались те, кому распавшийся брак не оставил никого, о ком они могли бы заботиться. Разъезд без развода создает дополнительное психологическое напряжение, что дает максимальный показатель неустойчивости. Эта тенденция наблюдается и среди «психотиков», и среди «невротиков» [9, p. 112–114]. Сходный порядок уязвимости мы находим и в знаменитом исследовании самоубийств Э. Дюркгейма [2].

Таблица 5

Семейное положение досрочно уволенных из действующей армии США за 1943 г. с диагнозом эмоционального расстройства [10, p. 113, 115].

Семейное положение и наличие находящихся на иждивении лиц	Число уволенных на каждую тысячу, чел.		
	Психоневроз	Психоз	Итого
Холостые	10,9	7,7	18,6
В том числе:			
с иждивенцами	5,9	2,4	8,3
без иждивенцев	14,2	11,2	25,4
Женатые	29,1	7,0	36,1
Военнослужащие, чей брак распался (разъезд, развод, смерть супруги)	43,1	17,9	61,0
В том числе:			
с иждивенцами	37,8	15,8	53,6
без иждивенцев	49,5	20,3	79,8

Однако приведенные в таб. 5 данные можно прочесть и иначе, поменяв местами зависимую и независимую переменные. Можно предположить, что психически неустойчивые индивиды менее склонны были вступать в брак, а если и вступали, то он быстро расстраивался. Аналогичным образом можно предположить, что лица, которых по структурным характеристикам жизненной ситуации относят к иждивенцам, с большей вероятностью оказывались в зоне ответственности уравновешенных индивидов.

Ценностные ориентации. В связи с проблемой адаптации и успешности несения службы с конца 1940-х гг. активные исследования ценностных ориентаций призывников и кадровых военнослужащих велись в шведских вооруженных силах. В качестве образца тщательно спланированного, аккуратно (судя по описанию) проведенного, до конца просчитанного (имеется много приложений для пристрастного читателя), с научной честностью описанного (вынужденные натяжки не ретушировались) проекта можно взять исследование 571 призывника, выполненное под руководством шведского учёного Вальтера Корпи [11]. Исследователи исходили из посылки, согласно которой социальные установки, будучи связанными с социальными и личностными характеристиками индивида, амортизируют давление со стороны социума [11, р. 59]. В качестве независимых переменных были взяты, в частности, *планируемая призывником после прохождения службы профессия*, социальный статус семьи (по профессии отца), уровень образования призывника и его отца, размер населенного пункта проживания в детстве и непосредственно перед призывом, возраст, данные теста на интеллектуальное развитие. Испытуемым предлагались тестовые методики, с помощью которых замерялось отношение к рутинным обязанностям военнослужащих, к воинской дисциплине, к ряду политических проблем, восприятие отношений родителей и сверстников к армии как социальному институту. Самым замечательным итогом этого исследования, на наш взгляд, является то, что *не было найдено ни одного статистически значимого различия* между группами призывников с разными социальными и личностными характеристиками.

Мотивация. В разных видах деятельности люди могут испытывать разную мотивацию. Это показано в многочисленных исследованиях жизненных историй отдельных индивидов. Если кто-то успешен в одной ситуации – в школе, дома или на работе, а в другой действует ниже своих возможностей и при этом не испытывает ни малейшего беспокойства, такую неконсистентность объясняют разной мотивацией. Человек испытывает разную мотивацию в зависимости от стоящей перед ним задачи. Изолированные от привычных социальных условий призывники с преступным прошлым могут образцово нести службу, если в них возобладают мотивы служения Родине и исправления. Изучив личные дела получивших ранение военнослужащих, психологи заметили: «Главным фактором является желание человека, или его отсутствие, соответствовать стандартам организации, к которой он принадлежит. Чтобы пожаловаться на боль, мотивировать отказ или невозможность выполнять свои обязанности, требуется желание. В конце войны раненым в бою разрешали по их желанию продолжать военную службу даже несмотря на то, что их физическое состояние было ниже всяких стандартов. Многие из тех, кто предпочел остаться в строю и продолжал справляться со служебными обязанностями, имели гораздо более серьезные физические недостатки, чем некоторые из тех, кто предпочел демобилизацию» [9, р. 63].

Очевидно, что данные о мотивации можно адекватно проинтерпретировать лишь применительно к конкретной ситуации, и сбор таких данных имеет смысл только, если мы хотим получить информацию о воздействии конкретных мероприятий воспитательного процесса военнослужащих. Ибо, как и социальные установки, мотивы – слишком подвижные образования в структуре личности. Применительно к призывникам положение осложняется тем, что воинский коллектив является временным, а срочная служба – временным, а не профессиональным занятием. Все это ограничивает перспективы изучения мотивации для предсказания успешности призывника.

Другие переменные. Развитие биографического метода стимулировало массу эмпирических исследований, в которых наряду с традиционными параметрами [10; 14], получившими репутацию надежных [13, р. 84], в оборот вводятся новые переменные. В частности, в ряде исследований были обнаружены значимые корреляции между употреблением наркотиков до службы и последующей дезадаптивностью [13, р. 85–86].

Внимания заслуживают немногочисленные попытки построения типологий личности по интегральному признаку общей зрелости и адаптивности. В подобных исследованиях активно используются качественные методы, в частности, свободные интервью. Качественная методология была реализована в исследовании биографий американских ветеранов войны во Вьетнаме, которым в разной степени удалось адаптироваться по возвращении на родину [7]. Интервью фокусировались на следующих сюжетах: 1) прошлый и настоящий опыт преодоления трудностей; 2) способы преодоления стрессовых ситуаций в периоды обучения, начиная со старших классов средней школы; 3) стратегии достижения и успеха по месту работы или учебы. В итоге были выделены три группы.

Первая группа, самая возрастная, отличалась высоким уровнем образования, высокими воинскими званиями и участием в большем количестве военных операций. Они легче и спокойнее делились военными впечатлениями, успешно справлялись с семейными ролями, реже употребляли наркотики, при описании перенесения тягот войны чаще проводили параллели с прошлым опытом и на трудности смотрели в перспективе будущего, что облегчало их преодоление. В стрессовых ситуациях они старались воздерживаться от импульсивных действий, объясняя это желанием избежать возможных негативных, в том числе отсроченных последствий. Их отличало понимание, как функционируют крупные институциональные структуры, и умение эффективно к ним адаптироваться. Они понимали, что бюрократическая организация армии с ее дисциплиной и рутинной не направлена против них лично; различали формальные и неформальные каналы коммуникации и умели ими пользоваться. Представители первой группы, как правило, знали несколько способов, как при необходимости официально добиться увольнения на выходные, а если

официальный путь не гарантировал успеха, они умели использовать неофициальные возможности и при этом не получить дисциплинарных взысканий.

Во вторую группу вошли активные нонконформисты, открыто нарушавшие нормы как на службе, так и вне ее и, как следствие, имевшие частые конфликты с представителями власти и закона. Их отличало неумение использовать неформальные структуры формальных организаций.

Третью группу составили те, кому была свойственна стратегия ухода от взаимодействия с социальной средой, сопровождавшаяся разного рода нервными расстройствами, ощущением потерянности и т.п. [7, р. 37–38].

Реализованные в русле качественной методологии исследования едва ли могут дать набор надежных *предикторов*, что не умаляет их значения для *понимания* изучаемого предмета.

* * *

Успешность несения военной службы — это результат взаимодействия качеств индивида и структурных характеристик организации, в которой проходит служба. Успешность призывников во многом зависит от того, какие усилия для их адаптации при переходе от гражданской жизни прилагает сама организация. Это в свою очередь зависит от кадровой политики, от оценки количества доступных человеческих ресурсов. Сделанный тематический обзор показывает, что методология «психологии черт» едва ли может принести успех в проблемно ориентированных исследованиях.

Библиографический список

1. Гинцберг Э., Андерсон Д.К. и др. Почему необходимо изучать неэффективного солдата // Современная буржуазная военная психология / под ред. А.В. Барабанщикова и Н.Ф. Феденко. М.: Воениздат, 1964.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. А.Н. Ильинского. СПб.: Союз, 1998.
3. Arthur R.J. Success is Predictable // Military Medicine. 1971. Vol. 136, № 6.
4. Bachman J.C. Youth in Transition. Vol. 2: The Impact of Family Background and Intelligence on Tenth-Grade Boys. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1970.
5. Back K.W. Neglected Psychological Issues in Population Research // American Psychologist. 1973. Vol. 28, № 6.
6. Bloom B.S. Stability and Change in Human Characteristics. N.Y.: John Wiley, 1964.
7. Borus J.F. The Reentry Transition of the Vietnam Veteran // The Social Psychology of Military Service / ed. by N.L. Goldman and D.R. Segal. Beverly Hills; L.: Sage, 1976.
8. Edwards D., Berry N.H. Psychiatric Decisions: An Actual Study // J. of Clinical Psychology. 1974. Vol. 30, № 1.
9. Ginzberg D. The Ineffective Soldier: The Lost Divisions. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1959.

10. Johnston J., Bachman J.G. Youth in Transition. Vol. 5: Young Men and Military Service. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1972.
11. Korpi W. Social Pressures and Attitudes in Military Training. Stockholm etc.: s.e., 1964.
12. Lazarus R.S. and others. The Psychology of Coping: Issues in Research and Assessment // Coping and Adaptation / ed. by G.V. Coelho et al. N.Y.: Basic Books, 1974.
13. Nelson P.D. Biographical Constructs As Predictors of Adjustment to Organizational Environment // The Social Psychology of Military Service / ed. by N.L. Goldman and D.R. Segal. Beverly Hills; L.: Sage, 1976.
14. Plag J., Goffman J.M. The Prediction of Four-Years Military Effectiveness from Characteristics of Naval Recruits // Military Medicine. 1966. Vol. 131, № 8.
15. Stauffer S.A. and others. American Soldier: Adjustment During Army Life. Princeton: Princeton Univ. Press, 1949. Vol. 1.